

Дайте индейцу венок и щит

Ломэхонгва

Когда Ломэхонгва сходила вниз по трапу самолёта, лето закручивалось вокруг неё тугими спиралями солнечного света и слепило глаза. А потом девочка вдруг словно попадает в тёмную коробку – внутри здания аэропорта солнце заканчивается, остаются только высокие потолки, беспорядочно снующая в разные стороны плотная толпа и помещения, слишком тёмные для глаз девочки после ослепительного летнего солнца, да сумка через плечо.

И никакого понятия о том, что следует делать дальше. Откровенно говоря, ничего, кроме уверенности в том, что Великий Небесный Дух не позволит ей, пытающейся выполнить его волю, заблудиться и потеряться, у девочки за душой и нет.

Обеими руками крепко прижимая к себе сумку, Ломэхонгва двигается вместе с плотным потоком людей – наверное, к выходу. Куда ещё в таком количестве могут идти только что прилетевшие люди? Очень вряд ли же, что они всем потоком направляются обратно на самолёт, верно?

По дороге девочка не забывает крутить головой во все стороны – за неимением других приходящих на ум дальнейших действий, Ломэхонгва ищет знак. какой-нибудь, любой, какой угодно, который подскажет ей, как быть дальше. Например, куда идти или к кому обращаться за помощью. Девочка заранее знает и понимает, что небеса не разверзнутся и оттуда не появится огненный перст, указующий в нужном направлении, и инструкции тоже не проступят на стенах пламенеющими буквами – но это всё не надо, это не только выглядит, но и даже звучит излишне красиво. Лучше что-нибудь незатейливое и менее заметное, но тоже по-своему чёткое и понятное.

У Великого Небесного Духа ведь есть такие способы подать знак, правда же?

Эмиль Давенпорт

Эмиль сидел на пустой ленте для багажа и болтал ногами, не зная, куда себя деть, пока мама возле другой ленты ловила их чемодан. Путешествие на пару дней к дедушке мальчику понравилось, причем в основном не столько свидание с дедушкой, сколько само путешествие, когда можно прижиматься носом к прохладному стеклу иллюминатора и следить за тем, как внизу проплывают то облака, то горы, то еще какой пейзаж.

Пару раз Эмиля сгоняли с ленты, требуя не занимать собой пространство и пугая тем, что его на этой ленте вот-вот куда-нибудь увезут, в далекие дали. Каждый раз мальчик показательно подчинялся, слезал и даже делал вид, что уходит сидеть на скамейку - но неизменно возвращался и снова водружался на ленту с ногами. Взрослые, они люди типа умные, конечно, но в этом случае Миль и сам прекрасно знал, как ему лучше.

В какой именно момент из толпы вышла и выделилась *она* - Эмиль так толком и не заметил. Просто понял в какой-то момент, что он, вытаращив глаза, неотрывно смотрит на появившуюся возле багажных лент девочку, словно выскочившую прямоком из диснеевского мультфильма, смуглую, с длинными черными волосами и темными глазами. Только девочка была не такая гладенькая и

чистенькая, как всегда в мультфильмах рисуют, а напротив, вся встрепанная и от этого очень живая. Чувствуя острую необходимость выразить свои эмоции словами, Эмиль заорал в сторону соседней багажной ленты, туда, где должна была находиться мама: - Мам, смотри! Покахонтас! Как настоящая, только мелкая! Клянусь! Вот прямо тут ходит! Иди, посмотри!

Арлетта Давенпорт

Арлетта уже успела неоднократно пожалеть, что поддалась на уговоры младшего сына и взяла билет на самолет и на него - в частности, сломав саму себя тем аргументом, что нужно же показать отцу хоть кого-то из внуков. Правда, для того, чтобы похвастаться своими детьми, лучше подошли бы рассудительный Фельтин или красавица Дарси, но Эмиль громче всех хотел, требовал и кланчил. И то и дело пытался то потеряться в аэропорту, то устроить прилюдный спектакль. Вот как сейчас, с оглушительными воплями. Он там что, монолог короля Ричарда декламирует? Или воображает себя Кориоланом?

- Если не перестанешь вести себя как варвар, мне придется спрятать тебя в чемодан и так и везти! - пригрозила Арлетта, как раз наконец углядевшая яркий желтый бок своего чемодана и пытавшаяся встать так, чтобы ловчее было его ухватить. Хотя, возможно, как раз сейчас было мудрее промолчать и сделать вид, что она впервые видит это буйное дитя и ни в коем случае не является его матерью. Да мало ли вообще лаоваев приезжает в Пекин? Но желание утихомирить сына оказалось для Арлетты приоритетнее робкой мечты о сохранении имиджа приличной женщины.

- Ну? - спросила Давенпорт, выбравшись из птичьей толпы туристов и подойдя к сыну. Оценила, куда указывал вытянутый и подрагивающий от восторга палец, и заметила, бесцеремонно стряхивая Эмиля с багажной ленты: - Похожа. А чего ты так разорался-то? Вон, китайские девочки через одну походи на Мулан - ты же молчишь? Отстань от девочки. Пойдем.

В душе, правда, уже зародилось смутное подозрение, что это по ее душу - ни с первого, ни со второго взгляда заметить рядом с девочкой ее родителей у Арлетты не получилось. Сразу же вспомнилось, как в схожей ситуации Давенпорт встретила Камико и путешествовала с ней потом с долгими пересадками. Арлетта одернула саму себя, решив, что у нее уже развился смешанный мастерско-материнский инстинкт, требующий немедленно хватать любого бесхозного на первый взгляд ребенка и немедленно чему-нибудь учить. Кивнула девочке, словно извиняясь за вопли Эмиля, и вместе с сыном двинулась на выход. Потому что хватит уже пытаться в каждом встречном подростке разглядеть потенциального ученика. Как будто сейчас их мало.

Ломэхонгва

Ломэхонгва останавливается, когда слышит звонкий мальчишеский крик – ещё не уверенная в том, что кричат ей, зато точно знающая, что крик – это тоже своего рода знак. Не глас шамана, конечно, но шамана ведь и не отыщешь в далёком Китае. Приходится пользоваться тем, кто есть под рукой.

Осмотревшись, девочка убеждается, что действительно – кричат если и не напрямую ей, то как минимум в её сторону, и указывающий на Ломэхонгву палец светловолосого мальчика это подтверждает. Светлые волосы девочке сразу же начинает хотеться потрогать, в резервации Ломэхонгва таких не встречала, и это до

сих пор кажется ей чем-то противоестественным. Каким-то удивительным явлением, в которое не получится поверить, пока не прикоснёшься к нему и не убедишься, что оно более чем реально и осязаемое.

Впрочем, женщину, которая подходит к мальчику, Ломэхонгве тоже немедленно хочется начать трогать и щупать. Эта женщина так красива, что девочке решительно непонятно, как мужчины рядом смеют не оборачиваться на её яркую красоту. Возможно, так бы выглядела Горихвостка, будь она не птицей, а человеком.

Ох, а вдруг и вправду – Горихвостка?

Двигаясь так быстро, как только позволяет барабаниющая по животу и ногам тяжёлая сумка, Ломэхонгва рваными прыжками догоняет женщину и трогает её за руку. Что сказать и как объяснить, что в золотящихся волосах девочка углядела отблеск посланного свыше знака – неизвестно. Поэтому Ломэхонгва молчит. И только продолжает настойчиво прикасаться к тёплому запястью женщины.

Эмиль Давенпорт

Эмиль, когда мама не поделила его восхищения, попытался было обидеться, но подумал и простил. Может, маме просто не нравится Покахонтас. Такое бывает, и очень часто. Вон, Эмилю самому не все диснеевские герои и героини нравятся, а те, которые всё-таки вызывают одобрение, стоят даже и далеко не через одну.

В общем, на фоне этих переживаний то, что мальчика в очередной раз согнали с багажной ленты, как-то померкло и прошло незамеченным.

- Да ну её, эту Мулан. Я не люблю, - буркнул Миль, не вдаваясь в подробности, за что именно не любит, иначе держать гневную речь пришлось бы долго. К выходу мальчик двинулся едва ли не затылком вперед, пытаясь напоследок ещё раз посмотреть на Покахонтас местного разлива, а то, может, больше ни одной и не попадетсЯ в этой жизни - и с удивлением обнаружил, что девчонка не только не спешит растаять в толпе, а даже и вовсе наоборот, решительно из этой толпы выбирается, двигаясь в мамину сторону.

- Маааааам? - озадаченно позвал Эмиль, пытаясь сообразить, как обозначить проблему. "Нас преследуют"? "Полундра, рвем когти"? Или это всё будет слишком? Миль так и не придумал ничего лучше, чем начать старательно дергать маму за руку - а когда во вторую мамину руку вцепилась подбежавшая девочка, всё стало ну вобще нелепо. И даже не поймёшь, что делать: то ли радоваться, что красотка Покахонтас за ними увязалась, то ли пнуть самозванку, да покрепче.

- Это - моя мама. Не надо её грязными руками трогать, - дерзко нахамил Эмиль. И решительно попёр на незнакомку, грудью вперёд бравой, намереваясь отодвинуть захватчицу со своей территории, и чтобы никаких гвоздей. На чужих мамах никаким даже расчётырежды принцессам виснуть не положено, на то они и чужие мамы.

Арлетта Давенпорт

Если у Арлетты был план свести знакомство с девочкой к минимуму, то вот у девочки со всей вопиющей очевидностью планы были полярно противоположные. Давенпорт слегка растерянно смотрела на вцепившиеся в её запястье смуглые маленькие пальцы и думала, что надо будет, вернувшись в монастырь, начать наконец содержать своих учеников в строгости. И пороть нещадно при необходимости. А то уже на шею сели, ещё немного, и вообще ноги свесят и болтать ими начнут, ну куда это годится. Под другим локтем бузил Эмиль, мгновенно изменивший настроение - только что девочкой восхищался, и вот уже устраивает

ревнючку.

- Во-первых, не хаами, - попеняла сыну Арлетта, ловко втискивая чемодан между ним и девочкой. С разбегу Миль это препятствие, скорее всего, не возьмёт, а обходить посчитает ниже своего достоинства, и забуксует, вынужденно ограничившись одними угрозами. - Во-вторых, извинись перед девочкой, или я тебя в монастыре сдам посторонним мастерам на опыты. И в-третьих - что тебе, хорошая моя? - обратилась Арлетта к девочке. - Тебе помочь? Ты заблудилась? Где твои родители? Запоздало Арлетта по надеялась, что девочка понимает английский язык. Угадать национальность по внешнему виду маленькой молчуньи оказалось неожиданно сложно. То ли Давенпорт от подобных угадаек отвыкла в монастыре, где все друг другу поголовно свои, все друг друга понимают и неважно, кто откуда приехал, то ли просто демонстрировала сейчас феноменальную зоркость Стиви Уандера - так или иначе, между ней и девочкой внезапно замаячила неприятная тень языкового барьера.

Ломэхонгва

Мальчику, пытающемуся выгнать её вон, Ломэхонгва невозмутимо даёт пинка. Слушать подобные вопли и дальше девочка не собирается вовсе – пусть уж лучше паренёк ругается, что его побили, меньше отвлекать будет. У Ломэхонгвы сейчас задача из разряда невыразимо сложных: попытаться словами, которых на языке, мягко говоря, немного, внятно и доступно объяснить, зачем она вцепилась в женщину и чего от неё хочет.

Пока что это всё звучит очень сложно.

– Родители дома, – коротко и ёмко объясняет Ломэхонгва, решив начать с самого простого. И, чуть подумав, уточняет: – В резервации.

На этом самое простое кончается. Ломэхонгва начинает нервно и тревожность хмуриться. Ей, конечно, везёт, что у женщины сейчас есть настроение возиться с бродяжками, но неизвестно, как долго это везение продлится. Пёстрая птица удачи имеет обыкновение шустро выскальзывать из рук, если её слишком долго и бесцельно мять.

Мучаясь от невозможности объяснить женщине всё одним ёмким взглядом, Ломэхонгва задумчиво трогает пальцем жёлтый бок чемодана. И наконец решается на заявление, в исполнении девочки почему-то звучащее почти как ультиматум: – Я думаю, что мне надо с вами. Куда вы едете?

Наверное, это звучит нагло. И даже очень нагло. Предполагая, что сейчас последует очередной шквал возмущённых воплей, Ломэхонгва наугад ещё раз выбрасывает пятку в сторону мальчишки, туда, где ожидает обнаружить вертлявую коленку. И терпеливо ждёт от женщины ответа.

Эмиль Давенпорт

Получив пинка, Эмиль первые секунды три тихо фигеет - он-то привык в монастыре к тому, что девчонки, чуть что не по ним, сбиваются в стайку и начинают качать права и бесконечными обиженными словами давить на мозг. С руками они обычно не лезут и в оплеухи не идут - а эта не то что с руками, сразу с ногами полезла. Ненормальная.

А с другой стороны, когда в ход идут кулаки и пятки - это куда проще и понятнее, чем когда девчонки засыпают колкими и обиженными фразочками. Сразу кристально

ясно, как с этим делом справляться. Примерно как с Романо, ткнуть в ответ, и так пока кто-то первый не свалится. Так что Эмиль воспрял духом, поддернул рукава, засопел и предпринял попытку еще раз накидать девочке по шее.

Девчонка оказалась не промах. Миль тут же схлопотал от нее еще один пинок, в ответ, наплевав на то, что девочек не бьют, воинственно ткнул Покахонтас кулаком в плечо. После чего повернулся к матери и одобрительно заявил: - А чего, я согласен. Представляешь, как красиво она Романо отпинает? А главное, молча! Я б так тоже хотел, классно смотрится.

Снова обратившись к девочке, Эмиль еще раз ткнул ее кулаком в плечо, но на сей раз уже куда более дружелюбно, и миролюбиво поинтересовался: - Как тебя звать? Дочь Большого Орла? Я ж правильно угадываю, верно?

Арлетта Давенпорт

Арлетта напряглась сразу же после слов "родители дома" - примерно так же в аэропорту выглядела Камико, только та скорее смотрелась беззащитной и растерянной, а у этой девочки на лице мрачная решимость неудержимой акулы. В воздухе прямо-таки повеяло до дрожи знакомым предчувствием: вот сейчас мир невообразимым образом сложится всеми возможными углами в одну точку, а когда развернется обратно, у Арлетты уже будет новая ученица, и никак от этого не отвертеться.

Давенпорт, в целом, была и не против, но ужасно не любила конвоировать учеников до Линь Ян Шо аж от самого Пекина. Единственным исключением из этого правила был Аурел, и тот - в силу своей безусловной самостоятельности. Его не надо было постоянно контролировать и держать за руку, юноша сам держался поближе к Арлетте без лишних напоминаний. Вспомнив, как именно это выражалось и выражается до сих пор, Давенпорт слегка покраснела. И поспешила уточнить у девочки: - А почему ты решила, что мы тебе подойдем, как спутники, и что нам в одну сторону? Если ты одна в чужом городе, тебе совсем нельзя ошибаться, ты же это понимаешь? Куда надо лично тебе? Скажи, а я отвечу, сможем ли мы тебя проводить.

По-хорошему, сделать бы втык Эмилю, чтобы не лез к человеку, но пока Арлетта собиралась это сделать, сын уже успел сменить гнев на милость, признать девочку подходящим соратником и даже построить на неё некоторое количество планов. И, если все эти планы вдруг накроются тазобедренным суставом, Милю это наверняка не понравится: слышать и даже понимать слово "нет" он умеет, но вот дальше с ним жить - ни в какую.

Ломэхонгва

Ломэхонгва не любит сложные вопросы, на которые она не может дать прямого и понятного ответа. Тот вопрос, который сейчас задаёт светловолосая женщина, именно из таких. Девочка не представляет, как можно ответ, состоящий всё больше из смутных, самой Ломэхонгве не до конца понятных ощущений, уместить в слова так, чтобы было понятно, хоть кому-нибудь и хоть что-нибудь. Хотя бы той, которая этот ответ в муках рождает.

Девочка начинает с того, что поднимает руку и неопределённо шевелит пальцами. Потом сама с отчётливой мукой на лице смотрит на свою ладонь, понимая, что не объяснила этим жестом ровным счётом ничего, и опускает руку, чтобы попытаться заново, ещё раз, уже словами. Жалко, что жестами сейчас нельзя. Очень бы

помогло.

Впрочем, и словами сейчас толком тоже нельзя. А надо как-то ухитриться.

— Я знаю, — упрямо говорит девочка. И пытается увернуться от летящего ей в плечо мальчишеского кулака, но безуспешно. — Не могу объяснить. Смотрю на вас и вижу: мне надо с вами. Я ищу место, где смогу стать сильной. А вы похожи на птицу, которая показывает путь. Ломэхонгва, — этот ответ предназначен уже мальчику, и выстреливается в пространство без малейшего перехода, чтобы женщина и её сын сами разбирались, кому тут что отвечено. Ломэхонгва получает ещё один тычок в плечо, секунду думает, а потом демонстрирует мальчику язык, высовывая его кратко, но качественно, на всю доступную длину. И только потом коротко спрашивает: — Ты?

Что следует расшифровывать: "я назвала своё имя, а теперь, пожалуйста, представься ты, чтобы наше знакомство совершилось окончательно".

Эмиль Давенпорт

В общем и целом - девчонка была странная. Даже очень. У нее была, в первую очередь, странная манера говорить странные слова, вместе составлявшие какую-то малопонятную муть. Мама, может, что осмысленное и вычленила из этого путаного рассказа про птиц и все такое прочее, а вот Эмиль не понял ничего. Но это не помешало ему продолжать восхищаться девчонкой на разные лады.

- Я догадывался, что у тебя будет имечко не из простых, но это что-то уж слишком не из простых, - признался мальчик. Но тут же с оптимизмом сказал: - Да ладно, недельку потренируюсь и выучу. Фигня вопрос. А покороче тебя никак не зовут? Нет? Жаль. Тогда не обижайся, я ошибаться первое время буду. А я Эмиль. Будем знакомы. А это моя мама, ее зовут Арлетта. Знакомься, - немедленно проинструктировал Миль. Как обычно мама знакомится с учениками, мальчик не знал, поэтому сейчас, дорвавшись до знакомства, уж делал все по своему разумению.

С мамой, кстати, тоже надо было по этому вопросу договариваться. очень надо было. Эмиль подергал маму за рукав и принялся убеждать: - Ну ты же видишь, она в никуда приехала! Чего ее теперь, под лавкой бросать? Я думаю, если нас она нашла, то и монастырь рано или поздно найдет. Надо ее с собой брать, - уверенно заявил Миль.

Всё, объяснил всем и всё. Можно сказать, спас и склеил ситуацию. Герой сделал свое дело, героя можно начинать неистово любить.

Арлетта Давенпорт

Вот теперь решение брать с собой в поездку Эмиля стало казаться максимально неудачным. Десять неудач из десяти возможных, антирекордный рейтинг. "Титаник" идет на дно и даже пузыри не пускает.

Будь сейчас рядом Фельтин или Дарсия, они бы благоразумно промолчали. Эмилю понятие "благоразумно промолчать" было незнакомо в принципе, он немедленно вывалил все, что знал. Все, что можно говорить вслух, и все, что даже думать громко не рекомендуется - тоже.

- Я тебе сейчас рот заклею, - пригрозила Арлетта и решительно отодвинула Эмиля от Ломэхонгвы. Пока сын, вдохновленный близостью сказочной принцессы, не ляпнул что-нибудь еще более неподходящее. Но, в общем, он уже и так наговорил достаточно. Арлетта посмотрела на стоящую перед ней серьезную девочку,

припомнила ее только что прозвучавший сумбурный рассказ и сделала вывод: видимо, перед ней маленький шаман. Примчалась за тридевять земель, повинуюсь каким-то одной ей зримым подсказкам, и теперь пытается по таким же подсказкам продвигаться дальше. А подсказка на этот раз оказалась живая и артачится.

- Птица, говоришь? - удивленно переспросила Давенпорт. Альтер-эго Арлетты - рысь, хищная кошка с мощными, толстыми лапами, - на птицу не могла быть похожа никак, ни с какого ракурса, но девочка, получается, смотрела как-то по-другому, раз увидеть птицу у нее все же получалось. - Ладно, пусть будет птица. Хорошо. Ты можешь поехать с нами, но учти: мы живем не в Пекине, нам до дома добираться еще долго, - предупредила Арлетта. - Сумку можешь отдать Эмилю. Эмиль, помоги девочке с вещами.

Потому что раз уж вызвался быть героем, то делать это на одних только словах не получится. Пусть теперь отдувается, раз начать инициативу проявлять.

Ломэхонгва

Монастырь?

Это было главное слово из всей речи Эмиля, на которое Ломэхонгва обращает внимание. Обращает внимание и фиксируется на нём цепко и намертво, как вцепившийся в добычу гепард. Даже не столько потому, что оно и впрямь прозвучало по-особенному, всячески требуя обратить на себя внимание, сколько потому, что для девочки это слово будто кто-то незримо подчеркивает, жирно обводит маркером: *вот оно. Самое важное и нужное, важнее и нужнее ничего сказано не было.*

А никак не реагировать на нужные и важные слова, тем более когда их произносят совсем рядом с тобой — так делать попросту нельзя.

Чувствуя неумолимую необходимость действовать, Ломэхонгва делает шаг вперед. И жадно смотрит на Арлетту — круглыми совиными глазами, пристально и не терпеливо, готовая просить и настаивать снова и снова, если потребуется. И даже пойти с просьбами по всему аэропорту, если вдруг откажут в помощи здесь. Теперь-то Ломэхонгва уже знает, куда ей надо. В монастырь.

А Арлетта тем временем удивляется, что её птицей называют.

— Вы мне не верите, — хладнокровно подытоживает Ломэхонгва. Переубеждать женщину она не пытается, всё равно у маленькой индианки нет в запасе никакого колдовства, которое могло бы немедленно всё доказать и подтвердить. Ни вознестись к потолку огненной птицей не получится, ни сделать ещё что-то столь же убедительно. Да оно, как вдруг выясняется, и не требуется.

Услышав, что её готовы брать в монастырь, Ломэхонгва серьезно и благодарно кивает. Сумку девочка снимает с плеча и передаёт Эмилю, а обеими освободившимися руками доверчиво берёт Арлетту за тёплую ладонь. И старательно объясняет: — Я не боюсь, что долго. Боюсь, передумаете.

А раз уж всё равно согласились провести, так теперь уже и не важно, три дня добираться или десять. Главное, что вообще добраться можно.

Эмиль Давенпорт

- Чего я понесу? - натурально обалдел Эмиль. И даже ушами толком хлопнуть не успел, как ему уже всучили сумку. Навьючили что грузового осла, хоть не живи

теперь вовсе.

На вдруг оказавшуюся у него в руках сумку - довольно увесистую, кстати - Эмиль посмотрел с отчетливой мукой в глазах. Потом крякнул от усердия и взвалил сумку себе на плечо. Потому что, действительно, кто же ещё поможет прекрасной индейской принцессе Покахонтас (ну да, не так её зовут, и чо? не запомнил то имя пока), если не благородный белокурый рыцарь.

- Ты там вообще ничего не бойся, - доброжелательно сказал Эмиль, входя в роль благородного защитника окончательно. И посулил: - Я тебя в обиду не дам. И мама, я думаю, тоже. Если что - мы вместе тебя в обиду не дадим, ты так и знай!

После такой речи Миль ощутил себя совершенно уже полноценным героем, ну просто полный финиш, дальше образ отстраивать просто некуда. Следом за этим мальчик немедленно почувствовал, как у него открылось второе дыхание - а следом за ним второе, третье и ещё с десятков дыханий разом. Эмиль горделиво расправил плечи, даже вопреки тому, что на плечи неслабо давила увесистая сумка, и украдкой покосился сперва на девочку, потом на маму: как они, заметили? Оценили облик романтического героя?

Ну, уж хотя бы мама-то должна была оценить.

Арлетта Давенпорт

- Я тебе верю, - поспешила заверить девочку Арлетта. Ломэхонгва не выглядела как человек, который способен обидеться и немедленно впасть в истерику, но при этом - мало ли какой осадок она способна затаить в душе. Лучше её так не испытывать. - Понимаю, что ничем не могу доказать, но верю. И, знаешь... мне кажется, я уже встречала таких людей как ты. Как раз в монастыре. Я думаю, тебе будет интересно познакомиться с ними, - предложила Арлетта. Хотя ей сейчас, по-хорошему, надо было думать не о том, как заинтересовать Ломэхонгву монастырем сверх того, что уже есть, а как удачнее и правильнее всего до монастыря добраться, в такой-то компании.

Перспектива путешествовать по Китаю, держа в одной руке дитя суровое и молчаливое, а в другой - дитё болтливое и бестолковое, Арлетту, откровенно говоря, не радовала. Но альтернативного выхода не предвиделось, приходилось разрешать ситуацию вот именно так, как она есть сейчас. Арлетта посмотрела сперва на Ломэхонгву и убедилась, что девочка держится за неё цепко и будет держаться вопреки чему бы то ни было, а стало быть, не потеряется по дороге и в толпе. Потом Арлетта перевела взгляд на Эмиля. Увидела торжественно раздутые щёки, гордо выпяченную грудь и только чудом удержала смех. После чего повела обоих детей - и brave рыцаря, и его прекрасную принцессу - к выходу из аэропорта.
